УДК 334.021.1

К ОЦЕНКЕ ОПЫТА ТОСЭР (ПАРАДОКСЫ РАЗВИТИЯ И(ИЛИ) ОПЕРЕЖЕНИЯ)*

***Анатолий Н. Макаров*[1, @]**

[1] *Набережночелнинский институт Казанского (Приволжского) федерального университета, Республика Татарстан, 423812, г. Набережные Челны, проспект Мира, 68/19 (1/18)*
[@] *makarovfksu@yandex.ru*

Поступила в редакцию 08.12.2017. Принята к печати 16.01.2018.

Ключевые слова: институты развития, ТОРЭД, преференции, эффективность, федерализм.

Аннотация: Предметом работы являются вопросы возникновения и классификации многочисленных «рассредоточенных» институтов развития регионов России в качестве инструмента для диверсификации экономики в целях улучшения партнерства между государством и предпринимателями. Основываясь на функциональном подходе, выделены виды территорий с особым режимом экономической деятельности, различия ОЭЗ по видам деятельности и предоставляемым преференциям, наиболее и наименее привлекательные ТОРЭД для резидентов или участников. Показана актуальность проблемы отсутствия механизмов по экстраполяции опыта создания и функционирования различных территорий для увеличения эффективности использования государственных и муниципальных инвестиций. Проведен анализ используемых целевых показателей для сравнения эффективности деятельности различных ТОРЭД для каждой из территорий, низкой результативности ряда ОЭЗ и иных институтов развития, во многом обусловленной проблемами пространственного развития. Сделан вывод о необходимости обеспечения реального федерализма, формирования действенных стимулов для поддержки формирования и реализации потенциала малого и среднего бизнеса в российских регионах.

Для цитирования: Макаров А. Н. К оценке опыта ТОСЭР (парадоксы развития и(или) опережения) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 4. С. 42–47.

Одной из наиболее прогрессивных тенденций в реализации современной государственной экономической политики, нацеленной на инновационную модернизацию, перестройку отраслевой и пространственной структуры экономики моногородов, а также на развитие и поддержку малого бизнеса, является формирование и усиление роли всех видов институтов развития [1, с. 46]. В России наряду с «центральными» институтами развития (Внешэкономбанк, Фонд прямых инвестиций, Инвестиционный фонд, Фонд развития промышленности, Фонд поддержки моногородов и др.), многочисленными государственными корпорациями сегодня действуют многочисленные «рассредоточенные» институты развития, такие как наукограды, федеральные и региональные особые экономические зоны, зоны территориального развития, территории (зоны) опережающего социально-экономического развития, свободный порт, промышленные округа и индустриальные парки. Следует отметить, что первые попытки создания различных форм территорий с особым режимом экономической деятельности рассматривались в России со времен СССР в конце 80-х гг. XX в., а в 90-х гг. большое количество многообразных существовавших «свободных» и «особых» зон суммарно покрывало около трети территории страны. Особые экономические зоны создавались в качестве инструмента для диверсификации экономики и улучшения партнерства между государством и предпринимателями [2, с. 28], а также с учетом существующей потребности в более эффективном использовании преимуществ регионов страны.

Новым этапом создания таких территорий, связанным с созданием предпосылок для унифицированного подхода к различным формам территориальной поддержки экономической деятельности, стало принятие в 2005 г. Федерального закона № 116 «Об особых экономических зонах», понимая при этом под особой экономической зоной ограниченную территорию, на которой устанавливаются особый режим и льготные условия хозяйственной деятельности иностранных инвесторов и предприятий с иностранными инвестициями, отечественных предприятий и граждан [3, с. 338] сроком на 49 лет, по истечении которого дальнейшая работа на территории не предусматривается. При этом в мировой практике понятие «особая экономическая зона» однозначного определения не имеет и используется для обозначения определенных территориальных границ в контексте особых механизмов поддержки в них экономической активности. Так, по определению Всемирного Банка: «Особая экономическая зона – ограниченная территория, находящаяся в пределах национальных границ той или иной страны, где правила ведения бизнеса отличаются от тех, которые преобладают на остальной территории страны» [4]). В этой связи в

**** Статья публикуется в рамках Всероссийской научно-практической конференции «Региональное развитие: экономика и социум». Специальная тема: Моногорода (секция: Качество жизни в моногородах. Социология. Урбанистика). Конференция проводится при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-010-20017 Г.***

России к территориям с особым режимом экономической деятельности (ТОРЭД) можно отнести следующее многообразие территориальных образований:

– особые экономические зоны (ОЭЗ);

– ТОСЭР (предпосылки создания ТОСЭР были сформулированы в Федеральном законе «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации») [5];

– свободная экономическая зона на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополь;

– свободный порт Владивосток;

–инновационный центр «Сколково»;

– индустриальные (промышленные) парки;

– технопарки в сфере высоких технологий;

– зоны территориального развития;

– региональные особые экономические зоны;

– туристические кластеры (в рамках ФЦП «Развитие внутреннего и выездного туризма»). Наиболее распространенными видами ТОРЭД в России являются особые экономические зоны. Согласно данным Министерства экономического развития РФ, насчитывается 34 работающих особых экономических зон [6].

Основываясь на функциональном подходе [7], можно выделить следующие виды ТОРЭД:

– сервисные (в первую очередь туристические территории);

– технико-внедренческие (направлены на развитие инновационной деятельности);

– торгово-портовые;

– промышленно-производственные (направлены на развитие промышленных отраслей экономики);

– комплексные (направлены на развитие отдельных административно-территориальных образований) (см. табл.).

Таблица. **Функциональная классификация ТОРЭД [8]**
Table. **Functional classification of advanced social and economic development areas [8]**

Виды ТОРЭД	Группы
Промышленно-производственные	Промышленно-производственные ОЭЗ; Территории опережающего социально-экономического развития; Индустриальные (промышленные) парки
Технико-внедренческие	Технико-внедренческие ОЭЗ; Инновационный центр «Сколково»; Технопарки в сфере высоких технологий
Сервисные	Туристско-рекреационные ОЭЗ; Туристические кластеры
Комплексные	Особая экономическая зона в Калининградской области; Особая экономическая зона в Магаданской области; Свободная экономическая зона на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополь
Торгово-портовые	Портовые ОЭЗ; Свободный порт Владивосток

Так, из 34 особых экономических зон, действующих в России, 10 – промышленно-производственные, 5 – технико-внедренческие, 6 – отдельные туристско-рекреационные и 9 – туристско-рекреационные, входящие в состав туристических кластеров в СКФО, Краснодарском крае и Республике Адыгея, 3 – портовые ОЭЗ [8]. Следует заметить, что в целом в настоящее время на территории ОЭЗ разрешена практически любая деятельность, к тому же индивидуальные предприниматели и коммерческие организации, хотя и не являющиеся резидентами ОЭЗ, имеют право осуществлять предпринимательскую деятельность в особой экономической зоне (за исключением участков территории зон, предназначенных для осуществления портовой деятельности). Кроме различий ОЭЗ по видам деятельности резидентов, имеются различия некоторых предоставляемых им преференций, которые можно разделить на такие группы: налоговые, квазиналоговые (страховые взносы), административные, финансовые, таможенные. В целом же в ОЭЗ применяется свободная таможенная зона, предполагающая размещение и использование ввозимых иностранных товаров без уплаты соответствующих таможенных пошлин, а также без нетарифного регулирования, что создает возможность выгоднее размещать на территории ОЭЗ высокотехнологичные предприятия, в то же время основной спектр преференций для резидентов ОЭЗ совпадает вне зависимости от типа ОЭЗ. Отсюда ОЭЗ различных типов на первый взгляд не являются конкурентами между собой, учитывая и то, что они нацелены на различных резидентов в зависимости от видов их экономической деятельности [8]. Сравнительный анализ технико-внедренческих ТОРЭД показывает, что наиболее привлекательным для возможных резидентов или участников является инновационный центр «Сколково», предоставляющий полное освобождение от налога на прибыль, имущество, транспортного и земельного налогов, и, в свою очередь, возмещение НДС и таможенные пошлины на ввозимые товары; наименее привлекательными из всех представленных видов ТОРЭД являются технопарки и региональные особые экономические зоны, поскольку преференции для них устанавливаются лишь в отношении региональных налогов (ставки по которым регулируются на региональном уровне), в частности по налогу на прибыль региональная ставка не может быть ниже, чем 13,5 %.

Следует отметить, что различные территории с особым режимом экономической деятельности, созданные в России в большом количестве в течение последних лет, в особенности промышленно-производственные и технико-внедренческие, становятся в рамках сходных видов деятельности конкурентами между собой. Однако при этом отсутствуют механизмы по экстраполяции опыта создания и функционирования различных территорий, что лишает возможности передачи успешного опыта по созданию и функционированию различных территорий между собой, тем самым увеличения эффективности использования государственных и муниципальных инвестиций. В этой связи представляют интерес попытки сравнения эффективности деятельности различных ТОРЭД на основе использования как целевых для каждой из территорий следующих показателей:

– выручка компаний участников или резидентов;

– количество созданных рабочих мест;

– объем частных инвестиций с учетом времени их существования, а также государственных расходов на создание и функционирование территории [8]. Однако эти показатели не дают возможности сравнивать эффективность деятельности различных ТОРЭД в первую очередь в силу существенных различий размеров государственных инвестиций на развитие инфраструктуры (отсюда более точным показателем могло бы стать отношение частных инвестиций к государственным). Необходимость общепринятой системы показателей и целесообразность унификации нормативной базы для различных ТОРЭД связана с тем, что в последнее время итоги деятельности многих из них были негативно оценены (отсюда, к примеру, рекомендации заморозить создание новых федеральных ОЭЗ и даже закрыть некоторые действующие). О крайне неэффективных (расточительных) расходах свидетельствуют опубликованные оценки: начиная с 2006 г. на формирование и обустройство 33 федеральных ОЭЗ было израсходовано 186 млрд руб. (в итоге 24 млрд руб. из которых остались неиспользованными); за этот период налоговые и таможенные платежи резидентов составили только 40 млрд руб.; к 2016 г. вместо запланированных в этих зонах 25 тыс. рабочих мест было создано 18 тыс. (при этом расходы на создание одного рабочего места в ОЭЗ составили 10,2 млн руб.; парадоксально, но этих средств было бы достаточно для выплаты в течение 25 лет средней по стране заработной платы работникам, занимающим эти рабочие места) [1, с. 47].

Деятельность особых экономических зон, созданных для формирования мощных экономических центров в субъектах страны, в недостаточной степени достигла поставленных целей. По результатам контрольной проверки Счетной палаты в 2017 г. было признано также, что особые экономические зоны не стали действенным инструментом поддержки экономики [6], при этом расходы на управление зонами неуклонно увеличиваются, а динамика роста рабочих мест низка. Например, к 2016 г. было создано 18 177 рабочих мест при 1 557 633 численности трудоспособного населения муниципального образования, на территории которого расположена ОЭЗ [9]. Низкая результативность ряда ОЭЗ и иных институтов развития, в том числе и по показателям создания рабочих мест и налогово-бюджетного эффекта, во многом обусловлена проблемами пространственного развития, отсутствием либо слабостью импульса для оживления всех форм предпринимательской и инвестиционной деятельности в данном регионе, в том числе и для активизации малых форм хозяйствования – как прямых участников (субъектов) институтов, так и на кооперационной основе [10]. Известно, что наша страна отмечается высоким разнообразием региональных экономик, которые в силу специфики ресурсов и производства по-разному проходят фазы делового цикла. Так, динамика промышленного производства в региональном разрезе продолжает характеризоваться высоким уровнем неравномерности: прирост промышленного производства в 2016 г. (к 2015 г.) по регионам варьировался в диапазоне от +40,2 % до −13,7 %; на 20 крупнейших промышленных регионов России приходится 2/3 национального выпуска (в 2016 г. – 67,1 %), в том числе 70,4% продукции добывающего сектора; 66,9 % – обрабатывающего; 60,9 % – сектора «производство и распределение электроэнергии, газа и воды» [11]. В силу значительной межрегиональной дифференциации рассуждения о тенденциях и проблемах малого бизнеса, о необходимых путях (мерах) его поддержки в общем по стране в целом ассоциируется с формулой «средней температуры в больнице», в то время как малый бизнес в России нуждается в территориально дифференцированных моделях и соответствующих им мерах поддержки, институтах развития, которые и смогут формировать соответствующее «поле» развития малого и среднего бизнеса, тем самым способствовать повышению эффективности экономического развития самих регионов [1, с. 47–48]. В этой связи возрастает актуальность обеспечения реального федерализма в российских регионах, формирования действенных стимулов для поддержки формирования и реализации потенциала малого и среднего бизнеса. При этом, по мнению аналитиков, федерализм в России фактически уничтожен, а без него невозможно развитие страны в целом. Каждый шестой регион России имеет задолженность выше своего годового дохода [12]. Россия, будучи по названию федерацией, в конструкции бюджетного процесса очень далеко отстоит от стран классической федерации – США, Германии, Канады, в частности, отсутствием у регионального уровня власти сферы полномочий, в которой он был бы автономен от центра, и гарантий этой автономности. Региональной политике в России присущи черты унитарности: доля федерации в бюджетных расходах составляет 60–65 % (в то время как в 1990-х гг. – в основном 45–50 %), права по сбору налогов и распределение расходных обязательств сосредоточены в центре, для региональной политики огромное значение имеют трансферты (унитарному принципу вполне соответствуют также процедура фактического назначения сверху глав регионов и слабое участие регионов в управлении государством в целом) [13, с. 24]. Отсюда у регионального сообщества не формируется восприятие автономии как ценности, которую необходимо отстаивать; при этом беспрекословное подчинение губернаторов центру стало платой за возможность продолжать получать ренту от управления регионом, в силу того, что центр стал перераспределять больше средств, в консолидированном бюджете растет доля трансфертов.

ТОСЭР, на которые правительство делает ставку вместо особых экономических зон (ОЭЗ), рискуют повторить судьбу особых экономических зон, которые, согласно отчету Счетной палаты, оказались неэффективным способом привлечения инвестиций из-за проблем с управлением [14]. Появившиеся в 2015 г. на Дальнем Востоке, а позже и в моногородах, ТОСЭР, в отличие от ОЭЗ, были созданы под конкретных инвесторов по заявке региона, для них был установлен более низкий порог необходимых инвестиций, а инвесторам разрешалось создавать ТОР для добычи полезных ископаемых. Однако, как следует из отчета Счетной палаты по проверке эффективности ТОСЭР, остались проблемы аналогичные ОЭЗ: бюджетные деньги используются неэффективно, строительство инфраструктуры отстает от плана; регионы не справляются со своими обязанностями, а именно не оформлены земли (так, из более чем 19 млн га земельных участков ТОР в аренду управляющей компании Корпорации развития Дальнего Востока передано менее 19 %), для большей

части земельных участков не разработаны документы по их планировке. В то же время есть проблемы, связанные и с самим федеральным центром, например, им не прописаны четкие критерии работы ТОР, отбора территорий для ее создания, оценки эффективности выделенных бюджетных денег (на развитие ТОР за 2016–2020 гг. выделены бюджетные средства в размере 56,1 млрд руб, а за 2021–2025 гг. – еще 111,2 млрд руб.), при этом сами инвесторы не отвечают за невыполнение своих обязательств, в частности, за срыв сроков подготовки документов, сдачи объектов никакие штрафные санкции не предусмотрены.

Подобные проблемы имели место в ОЭЗ, деятельность которых, несмотря на таможенные льготы, налоговые преференции и подготовленную инфраструктуру, оказалась неэффективной и, по мнению аналитиков InfraOne, «за годы своего существования они даже не вышли на ноль». По данным Счетной палаты, из запланированных и потраченных в 2006–2016 гг. только на строительство особых экономических зон инвестиций в размере 383,2 млрд руб. в ОЭЗ удалось привлечь лишь треть, резидентами за время работы выплачено государству 38,8 млрд руб. при предоставленных им льготах на 28 млрд руб., при этом главными причинами неудачи при запуске ОЭЗ аналитики InfraOne называют несогласованность действий между инвесторами и властями, проблемы с управлением, прозрачностью и определением источников финансирования, к тому же часто зоны создавались искусственно, без планов развития инфраструктуры и изучения потребности инвесторов и рентабельности возможных проектов. Серьезной проблемой является неразвитость инфраструктуры. Так, например, для развития хотя бы части инвестиционного потенциала Дальнего Востока к 2019 г. в инфраструктуру нужно вложить около 900 млрд руб., но пока таких совместных проектов мало. Отсюда важно не повторить тех же ошибок, тем более, что механизмы ТОСЭР и ОЭЗ очень похожи.

Литература

1. Бухвальд Е. М. Поедет ли телега впереди лошади? // Экономическое возрождение России. 2017. № 1. С. 39–50.
2. Суворова М. Е. Создание и управление особыми экономическими зонами в регионах России // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2013. № 13. С. 28–35.
3. Филатов Ю. Н., Горчакова Е. А. Роль особых экономических зон в социально-экономическом развитии регионов // Экономика и управление: новые вызовы и перспективы. 2012. № 3. С. 338–340.
4. The World Bank – Special Economik Zones Progress, Emerging Challenges, and Future Direction. Режим доступа: https://openknowledge.worldbankorg/bitstreum/handle/10986/2341/638440PUBOExtoOOBox0361527BOPUBLICO.pdf (дата обращения: 06.12.2017).
5. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017): Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ (ред. от 03.07.2016). Режим доступа: http://ivo.garant.ru/#/document/70831204/paragraph/1:0 (дата обращения: 06.12.2017).
6. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка деятельности акционерного общества «Особые экономические зоны» и юридических лиц, созданных для управления особыми экономическими зонами в субъектах Российской Федерации, в части, касающейся эффективности использования средств федерального бюджета, государственного имущества и иных средств при создании и функционировании особых экономических зон в Российской Федерации в 2014–2015 годах». Режим доступа: http://www.ach.gov.ru/upload/iblock/af3/af3cb9a7025f1dee9b62582497ff9862.pdf (дата обращения: 06.12.2017).
7. Приходько С. В., Воловик Н. П. Особые экономические зоны // Консорциум по вопр. приклад. эконом. исслед., Канад. агентство по междунар. развитию [и др.]. М.: ИЭПП, 2007. 268 с. Режим доступа: http:// www.eip.ru/files/text/cepra/oez.pdf (дата обращения: 06.12.2017).
8. Евграфов Д. А. Территории с особым режимом экономической деятельности как инструмент регулирования пространственного развития России // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2016. № 3. С. 40.
9. За 10 лет ОЭЗ так и не стали действенным инструментом поддержки экономики. 04.04.2016. Режим доступа: http://audit.gov.ru/press_center/news/26369/ (дата обращения: 06.12.2017).
10. Макаров А. Н. Квазирезультаты и парадоксы «поддержки» малого бизнеса (о «неоклассических» исследовательских традициях и эвристическом потенциале институционализма) // Экономист. 2017. № 11. С. 51–71.
11. Кудряшов Б. Промышленность регионов // Эксперт. Татарстан. 2017. № 32–36. С. 32–34.
12. Терентьев И. Залезли в долги. Рейтинг регионов России по долговой нагрузке. 07.12.2016, 09:00. Режим доступа: http://www.forbes.ru/reytingi/334563-zalezli-v-dolgi-reyting-regionov-rossii-po-dolgovoy-nagruzke (дата обращения: 06.12.2017).
13. Грозовский Б. Вернуть утраченное // Forbes. 2015. № 3. С. 24–25.
14. Базанова Е., Адамчук О., Чуракова О. Опережают, но не развивают // Ведомости. 2017. С. 4.

EXPERIENCE EVALUATION OF ADVANCED SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT AREAS (PARADOX OF DEVELOPMENT AND / OR ADVANCE)*

***Anatolii N. Makarov*[1, @]**

[1] *Chelny Institute of Kazan (Volga) Federal University, 68/19 (1/18), Mira Ave., Naberezhnye Chelny, Republic Tatarstan, 423812*
[@] *makarovfksu@yandex.ru*

Received 08.12.2017. Accepted 16.01.2018.

Keywords: development institutions, Advanced Social and Economic Development Areas, preferences, efficiency, and federalism.

Abstract: The current paper explores the issues of the origin and classification of numerous «dispersed» institutes that deal with development of Russian regions and serve as a tool of economic diversification to improve the partnership between government and business owners. The research is based on the functional approach, which allows the author to select types of territories with special regime of economic activities, to define characteristics of special economic zones (SEZ) according to activity types and provided preferences, and to describe the most and least attractive Advanced Social and Economic Development Areas (ASED) for residents or participants. The study reveals the urgency of the problem, i.e. the lack of extrapolating mechanisms that would make it possible to share organizing and functioning experiences of different territories to increase the effectiveness of state and municipal investment. The study includes an analysis of performance targets to compare the performance of different ASED for each territory, for SEZ with poor performance (which is mostly caused by the problems of spatial development) and for other development institutions. In the conclusion the author states the following needs: a) to ensure real federalism, b) to form effective incentives to support the formation and realization of the potential of small and medium business in Russian regions.

For citation: Makarov A. N. K otsenke opyta TOSER (paradoksy razvitiia i(ili) operezheniia) [Experience Evaluation of Advanced Social and Economic Development Areas (Paradox of Development and / or Advance)]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences,* no. 4 (2017): 42–47.

References

1. Bukhval'd E. M. Poedet li telega vperedi loshadi? [Go the cart before the horse?]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = Economic Revival of Russia*, no. 1(51) (2017): 39–50.
2. Suvorova M. E. Sozdanie i upravlenie osobymi economicheskimi zonami v regionah Rossii [Creation and management of special economic zones in the regions of Russia]. *Strategiia ustoichivogo razvitiia regionov Rossii = The strategy of sustainable development of Russian regions*, no. 13 (2013): 28–35.
3. Filatov Iu. N., Gorchakova E. A. Rol' osobykh ekonomicheskikh zon v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii regionov [The role of special economic zones in the socio-economic development of regions]. *Ekonomika i upravlenie: novye vyzovy i perspektivy = Economy and management: new challenges and prospects*, no. 3 (2012): 338–340.
4. *The World Bank – Special Economik Zones Progress, Emerging Challenges, and Future Direction*. Available at: https://openknowledge.worldbankorg/bitstreum/handle/10986/2341/638440PUBOExtoOOBox0361527BOPUBLICO.pdf (accessed 06.12.2017).
5. *O territoriah operezhaiyshchego sotsial'no-ekonomicheskogo razvitia v Rossiyskoi Federatsii (s izm. I dop., vstup. v silu s 01.01.2017)* [On territories of advancing socio-economic development in the Russian Federation (as amended and supplemented, enter into force 01.01.2017)]. Federal law of 29.12.2014 No. 473-FZ (ed. 03.07.2016). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ 172962/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (accessed 06.12.2017).
6. *Otchet o rezul'tatakh kontrol'nogo meropriiatiia «Proverka deiatel'nosti aktsionernogo obshchestva «Osobye ekonomicheskie zony» i iuridicheskikh lits, sozdannykh dlia upravleniia osobymi ekonomicheskimi zonami v sub»ektakh Rossiiskoi Federatsii, v chasti, kasaiushcheisia effektivnosti ispol'zovaniia sredstv federal'nogo biudzheta, gosudarstvennogo imushchestva i inykh sredstv pri sozdanii i funktsionirovanii osobykh ekonomicheskikh zon v Rossiiskoi Federatsii v 2014–2015 godakh»* [Report on the results of control activities «Check of activity of Special economic zones joint-stock company and the legal entities created for management of special economic zones in territorial subjects of the Russian Federation, in the part concerning efficiency of use of means of the federal budget, the state property and other means during creation and functioning of special economic zones in the Russian Federation in 2014–2015». Available at: http://www.ach.gov.ru/upload/iblock/af3/af3cb9a7025f1 dee9b62582497ff9862.pdf (accessed 06.12.2017).

**** The article is published in the framework of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Regional Development: Economy and Society». Special issue: Monotown (section: Quality of Life in Monocities, Sociology, Urbanistics). The conference is held with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-010-20017 G.***

7. Prihod'ko S. V., Volovik N. P. *Osobye ekonomicheskie zony* [Special economic zones]. Moscow: IEPP, 2007, 268.

8. Evgrafov D. A. Territorii s osobym rezhimom ekonomicheskoi deyatel'nosti kak instrument regulirovania prostranstvennogo razvitia Rossii [The territory with a special regime of economic activities as an instrument of regulation of spatial development of Russia]. *Menedzhment i biznes-administrirovanie = Management and business administration*, no. 3 (2016): 40.

9. *Za 10 let OEZ tak i ne stali deistvennym instrumentom podderzhki ekonomiki* [For 10 years, the SEZ has not become an effective tool to support the economy]. 04.04.2016. Available at: http://audit.gov.ru/press_center/news/26369/ (accessed 06.12.2017).

10. Makarov A. N. Kvazirezul'taty i paradoksy «podderzhki» malogo biznesa (o «neoklassicheskikh» issledovatel'skikh traditsiiakh i evristicheskom potentsiale institutsionalizma) [Quasiregularity and paradoxes «support» of small business (the «neo-classical» research traditions and heuristic potential of institutionalism)]. *Ekonomist = The Economist*, no. 11 (2017): 51–71.

11. Kudriashov B. Promyshlennost' regionov [Industry of regions]. *Ekspert Tatarstan = Ekspert Tatarstan*, no. 32–36 (2017): 32–34.

12. *Terent'ev I. Zalezli v dolgi. Reiting regionovRossii po dolgovoi nagruzke* [Got into debt. The rating of Russian regions by debt load.]. 07.12.2016, 09:00. Available at: http://www.forbes.ru/reytingi/334563-zalezli-v-dolgi-reyting-regionov-rossii-po-dolgovoy-nagruzke (accessed 06.12.2017).

13. Grozovskiy B. Vernut' utrachennoe [To regain lost]. *Forbes*, no. 3 (2015): 24–25.

14. Bazanova E., Adamchuk O., Churakova O. Operezhaiut, no ne razvivaiut [Ahead, but do not develop]. *Vedomosti = Vedomosti,* 25.10.2017, 4.